

DOI: 10.31857/S086919080009166-9

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ И ПРИЛЕЖАЩИХ АКВАТОРИЯХ: ПРАВОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2020

П.А. ГУДЕВ ^a

^a – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия; ORCID ID: 0000-0002-2951-6313; Scopus ID: 5792063007; gudev@imemo.ru

Резюме: В ходе анализа решений Международного Суда ООН, касающихся установки морских минных заграждений, было выявлено, что в каждом конкретном случае такие действия были признаны незаконными, так как мешали осуществлению торгового/военного судоходства и нарушали права других государств. Важным нюансом является и то, что принятие ответных мер, включая использование силы и вооружений, на установку минных заграждений без весомых доказательств вины того или иного государства, было также признано нелегитимным.

Показано, как Иран все больше склоняется к тому, что любые угрозы применения силы или же действительное ее применение может быть использовано для апелляции к праву на самооборону, закрепленному в ст. 51 Устава ООН. Несмотря на то что на уровне международной правовой доктрины право на самооборону может быть реализовано в случае наиболее серьезных инцидентов, США традиционно, а теперь и Иран вместе с ними, склонны считать, что осуществление любых враждебных актов допускает применение силы в ответ.

Проанализировано отношение Ирана и США к нормам и положениям международного морского права. Иран небезосновательно полагает, что многие нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. могут использоваться только теми странами, которые подписали и ратифицировали это ключевое международное соглашение. Неучастие США в Конвенции 1982 г. дает Тегерану возможность ограничивать судоходство в водах Ормузского пролива, прежде всего в отношении американских военных кораблей, в целях обеспечения собственной безопасности. США, традиционно защищающие принцип свободы судоходства во всех акваториях Мирового океана, считают такие ограничения нелегитимными и готовы использовать силовые средства для отстаивания своих прав по транзитному проходу через воды пролива. Этот правовой спор между США и Ираном относительно правового статуса Ормузского пролива и прав третьих стран в его акватории уже десятилетия является потенциальным катализатором усиления конфликтности в двухсторонних отношениях.

Ключевые слова: США, Иран, Ормузский пролив, Оманский залив, танкерная война, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., право транзитного прохода, Устав ООН.

Для цитирования: Гудев П.А. Политико-правовые аспекты американо-иранского противостояния в Ормузском проливе и прилежащих к нему акваториях: правовые интерпретации. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 161–176. DOI: 10.31857/S086919080009166-9

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE U.S.–IRANIAN CONFRONTATION IN THE STRAIT OF HORMUZ AND ADJACENT WATERS: LEGAL INTERPRETATIONS

© 2020

Pavel A. GUDEV ^a

^a – National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia; ORCID ID: 0000-0002-2951-6313; Scopus ID: 5792063007; gudev@imemo.ru

Abstract: An analysis of the decisions of the UN International Court of Justice regarding the laying of sea mines found that in each case such actions were considered illegal because they interfered with commercial/military navigation and violated the rights of coastal and other states. Importantly, it was also found to be illegitimate to respond, including by using force and arms, for the mining without tangible evidence of a state's guilt.

Iran was increasingly inclined to accept that any threat or actual use of force could be used to appeal the right of self-defense enshrined in Article 51 of the UN Charter. Although at the level of international legal doctrine the right to self-defense can be exercised in case of the most serious incidents, the U.S., and now Iran, tend to believe that the implementation of any hostile acts allows the use of force in response.

Iran assumes that many rules and regulations of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea can be used only by those states that have signed and ratified this international agreement. The U.S. non-participation in the 1982 Convention allows Tehran to restrict navigation in the Strait of Hormuz waters, especially for U.S. warships. The US, which traditionally protects the principle of freedom of navigation, considers such restrictions illegitimate and is ready to use force to defend its rights. This legal dispute between the U.S. and Iran over the legal status of the Strait of Hormuz has been a potential catalyst for increasing conflict in bilateral relations for decades.

Keywords: U.S., Iran, Strait of Hormuz, Gulf of Oman, Tanker's War, 1982 UN Convention on the Law of the Sea, Transit Passage, UN Charter.

For citation: Gudev P.A. Political and Legal Aspects of the U.S.–Iranian Confrontation in the Strait of Hormuz and Adjacent Waters: Legal Interpretations. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 161–176. DOI: 10.31857/S086919080009166-9

Иранские власти неоднократно угрожали заминировать Ормузский пролив в ответ на экономическое давление и политические провокации со стороны США. В предыдущей работе показано, что от этого может пострадать сам же Иран. Во-первых, подобные действия, согласно международному праву, будут рассматриваться как акт агрессии и могут послужить для США и их союзников в регионе поводом к началу вооруженной кампании против Ирана. Во-вторых, расчет Тегерана на то, что таким образом можно будет существенно ограничить масштабы транспортировки углеводородов через Персидский залив и тем самым нанести болезненный удар по всему западному миру, включая США, – не совсем оправдан. Как предполагается, любое сокращение объемов поставок будет носить временный характер, а процесс разминирования займет хоть и значительное, но не критическое для мировой экономики время [Гудев, 2020, с. 106–108].

Развивая начатую в предыдущей статье тему, рассмотрим теперь более детально действия и позиции обоих государств на предмет их соответствия нормам и положениям современного международного права.

МИНИРОВАНИЕ МОРЕЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН

Международный Суд ООН (International Court of Justice, ICJ) – ключевая международная судебная инстанция – не остался в стороне от рассмотрения вопроса легитимности или нелегитимности установления минных заграждений [Kraska, McLaughlin, 2019]. По этому вопросу существует три хрестоматийных решения:

- дело о проливе Корфу 1949 г. (Великобритания против Албании) [*Corfu Channel*];
- дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа 1986 г. (Никарагуа против США) [*Military and Paramilitary Activities in...*];
- дело, касающееся нефтяных платформ, 2003 г. (Исламская Республика Иран против США) [*Oil Platforms...*].

Дело о проливе Корфу – наиболее хрестоматийный пример международного разбирательства по вопросу о праве мирного прохода военных кораблей через акваторию тер-

риториального моря прибрежного государства. Суть этого дела, инициированного Соединенным Королевством, состояла в том, что британские военные корабли, проходя пролив Корфу в 1946 г., не только попали под обстрел албанской артиллерии, но и подорвались на минах – 45 матросов погибли и 42 получили ранения. Суд установил, что по международному праву Албания несет полную ответственность за взрывы, происшедшие в её территориальных водах, а также за причиненный ущерб и гибель людей. Несмотря на то что минные заграждения были установлены не Албанией, а югославскими ВМС, Суд постановил, что они не могли быть установлены без ведома албанского правительства. Вследствие чего оно было обязано уведомить суда об опасности, которой они подвергаются, следуя через пролив [*Краткое изложение решений*, 1948–1991, с. 6–8]. При этом, однако, Суд посчитал, что попытки Великобритании разминировать данную акваторию без ведома албанского правительства является нарушением суверенитета Албании.

Для нас, т.е. применительно к ситуации в Ормузском проливе, это решение означает одну важную вещь. С одной стороны, любое государство несет ответственность за причиненный ущерб от минирования акваторий, где другие государства наделены теми или иными правами (в частности, правом мирного или транзитного проходов). С другой стороны, любые формы принудительного разминирования таких акваторий третьими странами будет являться нарушением суверенитета прибрежного государства.

В деле Никарагуа против США Суд установил, что «минирование никарагуанских портов и вод было проведено военнослужащими Соединенных Штатов или гражданами стран Латинской Америки, состоявшими на платной службе у Соединенных Штатов. После рассмотрения фактов Суд считает установленным, что где-то в конце 1983 или в самом начале 1984 г. президент Соединенных Штатов дал разрешение определенному государственному агентству Соединенных Штатов на установку мин в портах Никарагуа; что в начале 1984 г. мины были установлены в самих портах или в непосредственной близости от портов Блафф, Коринто и Пуэрто-Сандино, либо во внутренних никарагуанских водах, либо в территориальных водах, либо в тех и в других одновременно лицами, которые получают деньги от указанного агентства и действуют по его инструкции под наблюдением и при тыловом содействии со стороны агентов Соединенных Штатов; что ни до установки мин, ни впоследствии правительство Соединенных Штатов не сделало ни одного публичного или официального предупреждения участникам международного судоходства о существовании и местах установки мин; и что гибель людей и материальные потери явились результатом взрыва мин, и это также привело к созданию новых рисков, вследствие чего выросли ставки морского страхования» [*Краткое изложение решений*, 1948–1991, с. 202].

Было также отмечено, что «...устанавливая мины во внутренних или территориальных водах Республики Никарагуа в течение первых месяцев 1984 г., Соединенные Штаты Америки действовали против Республики Никарагуа в нарушение своих обязательств в рамках международного обычного права не использовать силу против другого государства, не вмешиваться в его дела, не нарушать его суверенитет и не препятствовать мирной морской торговле» [*Краткое изложение решений*, 1948–1991, с. 199].

Наконец, Суд постановил, что: «обращаясь к принципу уважения государственного суверенитета, Суд напоминает, что принцип суверенитета как в договорном международном праве, так и в основанном на обычае международном праве, распространяется на внутренние воды и территориальные воды каждого из государств и на воздушное пространство над его территорией. Суд обращает внимание на то, что установка мин неизбежно затрагивает суверенитет прибрежного государства, а также на то что если право входа в порты ущемлено в результате установки мин другим государством, то нарушается свобода коммуникации и морской торговли. Суд отмечает, что установка мин в водах

другого государства без предупреждения или уведомления является не только противозаконным действием, но и нарушением принципов гуманитарного права, лежащих в основе Гаагской конвенции № VIII 1907 г.» [*Краткое изложение решений*, 1948–1991, с. 204].

Таким образом, политика США по установке и сокрытию мест расположения мин в водах, находящихся под суверенитетом Никарагуа, была признана прямым нарушением норм международного обычного права. Ссылаясь на это решение, американские эксперты склонны считать возможным объявить Иран ответственным за последние минные атаки после многочисленных угроз закрыть пролив и неоднократных преследований военных кораблей и коммерческих судов [Kraska, McLaughlin, 2019].

Иск Ирана против США, как и встречный американский иск, был связан с событиями, которые происходили в 1980–1988 гг. в Персидском заливе. В частности, в 1984 г. Ирак начал совершать нападения на суда, особенно на танкеры, перевозившие иранскую нефть. В результате несколько торговых судов и военных кораблей различных государств, в том числе нейтральных, подверглись атакам с самолетов и вертолетов, ракетным обстрелам, нападениям с военных кораблей или подорвались на минах. Несмотря на то что в этом районе действовали военно-морские силы обеих противоборствующих сторон – Ирака и Ирана, последний отказался считать себя ответственным за совершение каких-либо действий, кроме инцидентов, связанных с судами, которые отказались подчиниться обоснованным требованиям остановиться и подвергнуться досмотру. США тогда, как и в 2019 г., беспрецедентно возложили вину исключительно на одну сторону – Иран.

Кульминацией данного противостояния стали два инцидента. Так, 16 октября 1987 г. неподалеку от Кувейтской гавани был обстрелян ракетами кувейтский танкер «Sea Isle City», ходивший под флагом Соединенных Штатов. Последние приписали это нападение Ирану и через три дня, 19 октября 1987 г., атаковали две морские нефтедобывающие установки Ирана, относившиеся к комплексу «Решадат» («Ростам»).

Затем 14 апреля 1988 г. корабль Военно-Морских Сил США «Samuel B. Roberts», возвращавшийся с задания по сопровождению, нарвался на мину в водах близ Бахрейна. В ответ США через четыре дня атаковали и уничтожили сразу два нефтедобывающих комплекса – «Наср» («Сирри»), и «Салман» («Сассан») [*Краткое изложение решений*, 2003–2007, с. 26].

Несмотря на то что США считали данные нападения абсолютно легитимными, так как они якобы действовали в целях самообороны, Суд посчитал иначе. По его решению, представленных доказательств причастности именно Ирана к установлению минных заграждений явно недостаточно, и соответственно действия США в отношении нефтедобывающих платформ не могут считаться соразмерным применением силы в целях самообороны [*Краткое изложение решений*, 2003–2007, с. 30].

Все эти три примера в целом свидетельствуют о том, что для объявления войны Ирану, используя в качестве обоснования установку мин с его стороны, будет требоваться убедительная доказательная база. Иначе применение военной силы, скорее всего, будет рассматриваться как крайне неоправданное средство. Однако проблема состоит в том, что американская концепция самообороны имеет гораздо меньше ограничений, чем те, которые содержатся в решениях Международного Суда ООН. Более того, США отказались от участия в исках, инициированных Никарагуа и Ираном. И соответственно американская концепция ведения боевых действий допускает применение силы в ответ на враждебные акты и даже на демонстрацию враждебных намерений [Kraska, McLaughlin, 2019].

ЕСТЬ ЛИ ПРАВО НА САМООБОРОНУ?

Серия инцидентов, происшедших в 2019 г., ставит один принципиальный вопрос: а имеют ли Иран и США право использовать военную силу в ответ на те или иные действия или провокации со стороны друг друга?

Например, когда 13 июня 2019 г. в Ормузском проливе подорвались на минах два танкера [Гудев, 2020, с. 92], США безапелляционно обвинили в этом Иран и приравняли данную ситуацию к намеренному применению силы/вооруженному нападению со стороны Ирана, в ответ на которое США и другие страны имеют коллективное право на самооборону.

Однако необходимо учитывать, что данные события не привели к каким-либо серьезным последствиям, кроме пожара: не было никаких человеческих жертв, а среди команд судов не было американских граждан. Реакция Норвегии и Японии, под чьими флагами ходят данные танкеры, была достаточно сдержанной. Такая ситуация дает все основания полагать, что их точка зрения в большей степени коррелировалась с решением Международного Суда ООН по делу Никарагуа против США, в ходе которого было определено, что вооруженное нападение включает в себя только наиболее серьезные формы применения силы. Соответственно действия Ирана вряд ли, с этой точки зрения, могут квалифицироваться именно как вооруженное нападение [Deeks, 2019].

США, со своей стороны, считают иначе, и для этого у них есть свой исторический опыт. Как мы уже упоминали, в ответ на минные атаки гражданских судов и американского военного корабля в ходе ирано-иракской танкерной войны США обвинили в данных инцидентах именно Иран и посчитали себя вправе в ответ атаковать иранские нефтедобывающие платформы. Несмотря на то что Международный Суд ООН встал на сторону Ирана и не стал приравнивать использование ракет и мин к полноценному «вооруженному нападению», США остались при своём: любая атака с помощью ракет или мин одного государства в отношении другого государства может вести к использованию права на самооборону [Taft, 2004].

С точки зрения американских экспертов, сбитый иранцами американский БПЛА ставит примерно такие же вопросы. В частности, Иран в своем заявлении сослался на то, что он сбил БПЛА, действуя в рамках ст. 51 Устава ООН, т.е. используя свое право на индивидуальную самооборону в ответ на вооруженное нападение:

«Исламская Республика Иран не хочет войны, но в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций сохраняет за собой неотъемлемое право предпринимать все соразмерные и необходимые действия в случае любого враждебного акта вторжения на свою территорию и намерена решительно защищать свое сухопутное, морское и воздушное пространство» [*Letter dated 20 June 2019 ...*].

Такая позиция свидетельствует о принципиальном изменении иранской точки зрения: ранее Тегеран никогда не заявлял, что вторжение беспилотников, отнесенное им к шпионской деятельности, может рассматриваться как вооруженное нападение [Ingberand, Naqae, 2019]. Наоборот, даже в упомянутом выше иранском заявлении предполагаемая американская провокация рассматривается исключительно как вопиющее нарушение международного права, в частности статьи 2(4) Устава ООН, которая призывает воздерживаться от «угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»:

«Такое провокационное действие представляет собой вопиющее нарушение норм международного права и Устава Организации Объединенных Наций, в частности его статьи 2(4). Иран самым решительным образом осуждает этот безответственный, провокационный и противоправный поступок со стороны Соединенных Штатов, который влечет за собой международную ответственность» [*Letter dated 20 June 2019 ...*].

На уровне международной доктрины права, т.е., по мнению наиболее авторитетных экспертов в этой области, существует фактически единое универсальное понимание, что не всякое нарушение ст. 2(4) автоматически влечет за собой право на использование ст. 51 Устава ООН. Сами термины «вооруженное нападение» и «применение силы» име-

ют разное значение, и, как постановил Международный Суд ООН, в деле Никарагуа против США, только наиболее серьезные формы применения силы представляют собой вооруженное нападение и вызывают право на самооборону [*Case Concerning Military and Paramilitary...*, р. 101(91)]. Иран в деле о нефтяных платформах полностью поддержал мнение Международного Суда в том, что понятие вооруженного нападения, вызывающего право на самооборону, должно толковаться более узко, чем понятие незаконного применения силы в статье 2(4) Устава ООН [*Case Concerning Oil Platforms...*, р. 138(143)].

В своем последнем заявлении в ООН тем не менее Тегеран полностью поменял свою позицию, полагая, что вторжение БПЛА, не нанесшее никакого физического ущерба Ирану, является достаточным для использования права на самооборону в рамках ст. 51 Устава ООН. Такие метаморфозы свидетельствуют о том, что Иран стал рассматривать любое применение силы как вооруженное нападение, в ответ на которое может быть использовано право на самооборону. Таким образом, иранская оценка подобных ситуаций стала похожей на американскую. США уже давно полагают, что право на самооборону может быть применимо против любого незаконного применения силы [Ingberand, Naqae, 2019].

Таким образом, можно прийти к одному не совсем приятному выводу: несмотря на сложившийся экспертный консенсус о том, что не всякое применение силы (установка мин, нарушение национального воздушного пространства военным самолетом или БПЛА) целесообразно сводить к необходимости использования права на самооборону, некоторые государства действуют по своему усмотрению. К сожалению, то, что Иран стал во все большей степени ориентироваться на американский подход, никак не снижает градус напряженности, а, наоборот, провоцирует ее дальнейший рост.

ИРАН И КОНВЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 г.

Иран не является полноправным участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.: он её подписал, но до сих пор не ратифицировал. Сам факт подписания означает, что Тегеран, как минимум, выразил свое предварительное формализованное согласие с текстом самого документа. Несмотря на то что он не обязан в таком статусе исполнять конвенционные нормы, за исключением тех, которые стали уже нормами международного обычного права, он не может действовать таким образом, чтобы лишить Конвенцию объекта и цели. Другими словами, необходимо уважать сам «дух» соглашения. Тем не менее практика его интерпретации Ираном, а зачастую и исполнения, тех или иных конвенционных норм весьма условно коррелируется с ключевыми статьями этого международного соглашения.

Мы уже упоминали в предыдущей статье [Гудев, 2020, с. 99, рис. 3], что Соединенные Штаты не согласны с тем, каким образом Иран установил прямые исходные линии вдоль своего побережья для отсчета морских зон – территориального моря, прилежащей и исключительной экономической зон [*Iran: Straight Baseline Claim...*]. С американской точки зрения, их проведение было осуществлено без учета изгибов береговой линии, на большом расстоянии от берега, а их протяженность (от 25 до 114 морских миль) противоречит общей практике по неперевышению лимита в 24 морские мили, т.е. две ширины территориального моря [*Limits in the Seas. No. 114...*]. В целом это привело к тому, что суверенитет и юрисдикция Ирана, как считают в Вашингтоне, были распространены на значительно большие акватории, чем это должно было быть изначально.

Здесь, правда, надо отметить, что отстаиваемый США лимит в 24 морские мили не более чем позиция американского экспертного сообщества и Госдепартамента. В международном праве нет никаких жестких ограничений на установление максимальной ширины прямых исходных линий, в том числе превышающих лимит в 24 морские мили, а их

установление со стороны ряда государств было основано в большей степени не на договорных, а на обычных нормах международного морского права [Pharand, 2007]. Тем не менее практика по оспариванию излишне протяжённых прямых исходных линий – фактически традиция для Вашингтона. Во всяком случае, в рамках программы Freedom of Navigation [DoD Annual Freedom of Navigation...] даже ключевые американские союзники – Япония, Тайвань, Южная Корея – ежегодно подвергаются давлению за это [Bateman], так что Иран здесь не исключение.

Тегеран на уровне национального законодательства допускает весьма широкие трактовки конвенционного права мирного прохода через 12-мильное территориальное море, прежде всего, в угоду собственным интересам в области обеспечения национальной безопасности. Так, в частности, в Законе 1993 г. было зафиксировано, что Правительство Ирана может прерывать мирный проход в части своего территориального моря, если это обусловлено национальными интересами обеспечения безопасности [Act on the Marine Areas of the Islamic Republic...]. Конвенция 1982 г. допускает такие действия, однако она говорит о том, что такой запрет должен носить временный характер, а его введению должна предшествовать публикация детальной информации о времени и месте.

Иран также закрепил весьма дискриминационное положение, согласно которому для прохода через его территориальное море военных кораблей, подводных лодок, судов с ядерными силовыми установками или же каких-либо других плавательных средств или судов, перевозящих опасные или же вредные вещества, могущие нанести ущерб окружающей среде, необходимо получить предварительное разрешение.

Это положение было зафиксировано в специальном заявлении, сделанном Ираном при подписании Конвенции 1982 г. В нем, частности, было указано, что «в свете международного обычного права положения статьи 21, рассмотренной в совокупности со статьёй 19 (Понятие мирного прохода) и статьёй 25 (Права защиты прибрежного государства), признают (хотя и косвенно) право прибрежных государств принимать меры по защите своих интересов в области безопасности, включая принятие законов и положений, касающихся, в частности, требований о предварительном разрешении на проход военных судов, желающих осуществить право мирного прохода через территориальное море» [United Nations Convention on the Law of the Sea...].

В пределах 24-мильной прилегающей зоны Иран также претендует на расширение своих полномочий по обеспечению безопасности. Несмотря на то что Конвенция 1982 г. даёт право прибрежному государству осуществлять контроль лишь в области таможенных, фискальных, иммиграционных и санитарных законов (ст. 33), Иран настаивает на своих правах по контролю за соблюдением морского и экологического законодательства, а также в сфере безопасности (Закон 1993, ст. 13). Такие расширенные претензии в прилегающей зоне фактически дают Тегерану возможность формирования здесь особых «зон безопасности» и ограничивать в том числе свободу судоходства, что, безусловно, прямо противоречит Конвенции 1982 г. [Limits in the Seas. No. 114...].

Иран также вразрез с положениями Конвенции 1982 г. претендует на свое право устанавливать «соответствующие зоны охраны и безопасности» в пределах 200-мильной ИЭЗ. Конвенция же 1982 г. говорит лишь о том, что «прибрежное государство может там, где это необходимо, устанавливать вокруг таких искусственных островов, установок и сооружений разумные зоны безопасности, в которых оно может принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности как судоходства, так и искусственных островов, установок и сооружений» (ст. 60).

В ст. 16 иранского Закона 1993 г. также заявлено, что «иностранный военная деятельность и практика, сбор информации и любая иная деятельность, несовместимая с правами и интересами Исламской Республики Иран в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, запрещены» [Act on the Marine Areas of the Islamic

Republic...]. Такие ограничения, безусловно, противоречат трем закрепленным в Конвенции 1982 г. свободам открытого моря – судоходства, полетов, прокладки кабелей и трубопроводов. Это означает, что прибрежное государство не имеет никаких полномочий регулировать, а тем более запрещать любые виды военной активности в пределах своей 200-мильной ИЭЗ в мирное время.

Наконец, традиционное расхождение существует между Ираном и США по вопросу о проведении морских научных исследований (МНИ) в пределах ИЭЗ и на континентальном шельфе прибрежного государства.

С одной стороны, Иран заявляет о своих правах контролировать такие виды деятельности со стороны зарубежных государств. С другой стороны, США считают, что режим МНИ полностью не прописан в рамках Конвенции 1982 г., и поэтому они склонны признавать в качестве МНИ только те виды деятельности, которые направлены на расширение научных данных о морской среде, а именно: океанографические, биологические, рыбопромысловые, геологические, геофизические и другие исследования, выполняемые исключительно в научных целях. Проведение же таких исследований в коммерческих целях, с точки зрения США, не попадает под категорию МНИ. Соответственно любые виды гидрографических съемок с целью получения информации для составления навигационных карт, равно как любой сбор информации в военных целях, вне зависимости от того, является ли она разведывательной или нет, не попадают под категорию МНИ, а значит, не требуют получения предварительного согласия со стороны прибрежного государства [*Limits in the Seas. No. 114...*].

Подводя итоги, необходимо отметить, что позиция Ирана в отношении норм и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. достаточно противоречива. С одной стороны, Иран допускает весьма расширительное толкование, интерпретацию её ключевых статей. С другой стороны, реальная практика показывает, что претензии Ирана не выходят за пределы принятых официальных документов. Иран в целом разрешает транзитный проход американских кораблей и судов через Ормузский пролив; военные корабли США и союзников осуществляли различные виды военно-морских маневров в пределах иранской ИЭЗ во время войны в заливе; американские и иные зарубежные суда и корабли регулярно проходят через территориальные воды Ирана, не запрашивая никакого предварительного разрешения.

Тем не менее даже такая ситуация не останавливает США от проведения практически ежегодно тех или иных мероприятий в рамках программы *Freedom of Navigation* в отношении Ирана. Данное обстоятельство легко объяснить: США крайне незаинтересованы в том, чтобы национальные законодательные нормы противоречили конвенционным или даже рассматривались бы как интерпретация норм и положений Конвенции [Stephens]. При этом главным предметом спора между США и Ираном остается правовой статус Ормузского пролива, об этом – далее.

США И ПРАВО ТРАНЗИТНОГО ПРОХОДА

Напомним, что Соединенные Штаты не только не ратифицировали, но и не подписали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Однако, с их точки зрения, Конвенция является документом, кодифицирующим нормы обычного права (так называемый международный обычай [Вылегжанин, Каламаркян, 2012]), которые являются обязательными для исполнения всеми государствами – членами международного сообщества!

Данная позиция, безусловно, в полной степени отвечает военно-стратегическим интересам США. При таком рассмотрении роли и значения Конвенции 1982 г. другие страны, в том числе не участвующие в ней (Иран, Северная Корея, Сирия, Ливия, и целый ряд других), фактически обязаны исполнять её нормы и положения, которые трансформируются

вались из договорных в обычные нормы права. В рамках этой модели США постоянно акцентируют внимание на том, что право транзитного и архипелажного проходов, право мирного прохода военных кораблей через территориальное море – это давно устоявшиеся нормы международного обычного права, и все страны обязаны их беспрекословно соблюдать.

Так, США являются последовательными защитниками права транзитного прохода применительно ко всем проливам, которые используются или же могут быть использованы для международного судоходства. Они неоднократно выступали против претензий других прибрежных государств, не признающих или ограничивающих право транзитного прохода, в отношении следующих проливов: Баб-эль-Мандебский, Бонифачо, Головинина, Зондский, Гибралтар, Ломбокский, Торресов, Фриза, а также проливы на трассе российского Северного морского пути (СМП) – Лаптева и Санникова, и канадского арктического архипелага, формирующие трассу Северо-Западного прохода (СЗП) [Roach, Smith, 2012, p. 283–245]. С позиции США, Ормузский пролив, как соединяющий одну часть открытого моря/ИЭЗ с другой частью открытого моря/ИЭЗ, также является международным проливом с правом транзитного прохода. Последнее – устоявшаяся норма обычного права, а значит, Иран не имеет никакой возможности как-либо его ограничивать.

Обосновывая свою позицию, США считают, что отсутствие юридически сформулированного права «транзитного прохода» до принятия Конвенции 1982 г. было обусловлено исключительно тем обстоятельством, что государства не имели возможности легально расширить границу своего территориального моря сверх положенных 3 морских миль, а не тем обстоятельством, что это было кем-либо запрещено. Соответственно это не мешало американским кораблям и судам проходить по выделенным коридорам открытого моря в тех или иных международных проливах. Введение 12-мильного лимита территориального моря потребовало разработки условий транзитного прохода для того, чтобы сохранить права государств на проход через международные проливы. В результате, с их точки зрения, право прохода военных и гражданских судов через международные проливы существовало и до принятия Конвенции 1982 г. [Roach, Smith, 2012, p. 686–691].

Однако принятие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. имело целый ряд принципиальных последствий [Rothwell, Stephens, 2010, p. 22–23].

Во-первых, в ее тексте были закреплены те или иные правовые нормы, которые к тому моменту уже давно рассматривались как обычные нормы права (например, право судна, терпящего бедствие, зайти в любой порт без всякого разрешения прибрежного государства).

Во-вторых, в тексте Конвенции были зафиксированы определенные правовые нормы, которые на момент ее заключения уже являлись достаточно распространенной практикой целого ряда государств, что способствовало их постепенной трансформации в нормы обычного права (например, 200-мильный лимит ИЭЗ).

В-третьих, Конвенция ввела новые правовые нормы, которые, однако, все еще не получили максимально широкого и последовательного применения. Их превращение в обычные нормы права возможно лишь в том случае, если они станут общеобязательной практикой большинства государств, и прежде всего тех из них, которые до сих пор не участвуют в Конвенции 1982 г. [Harrison, 2011, p. 51–59].

Не случайно еще в 1982 г. было заявлено: «Эта Конвенция не является Конвенцией, кодифицирующей правовые нормы. Утверждение о том, что, за исключением Части XI, Конвенция представляет собой кодификацию обычного права либо отражает существующую международную практику, является неверным с фактической точки зрения и юридически необоснованным. Режим транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, и режим архипелажного прохода по морским коридорам

являются двумя примерами из многих новых концепций, воплощенных в Конвенции» [Конституция для океанов...].

На уровне международной доктрины права вплоть до сегодняшнего времени превалирует точка зрения, что право транзитного прохода – это новелла международного права, своеобразный международный компромисс, который выходит за рамки норм обычного международного права [Tanaka, 2012, p. 106]. Пока не сложилось единой и универсальной практики имплементации права транзитного прохода: лишь несколько государств полностью согласны с тем, что транзитный проход является нормой обычного права; определенная часть государств отказывается признавать транзитный проход нормой обычного права и признают лишь право мирного прохода через проливы, перекрытые территориальными водами [Lopez, 2010, p. 197]. В этой связи наиболее взвешенный подход по данному вопросу состоит в том, что право транзитного прохода на сегодняшний день лишь движется к тому, чтобы в перспективе стать нормой обычного права [George, 2002; Bing Bing Ja, 2013; Brubaker, 2001].

ИРАН И ПРАВО ТРАНЗИТНОГО ПРОХОДА

Иран не ратифицировал Конвенцию 1982 г., но подписал её, что означает на практике, как уже говорилось выше, формальное согласие с её нормами и положениями. Однако, воспользовавшись предоставленным Конвенцией 1982 г. правом (ст. 310), Иран в момент подписания выступил с отдельным заявлением, где выразил свою позицию как в отношении самой Конвенции, так и отдельных ее положений. В частности, Иран заявил, что:

«Несмотря на предполагаемый характер Конвенции как конвенции общего применения и законодательного характера, некоторые её положения являются лишь продуктом *quid pro quo* (услуга за услугу. – П.Г.), которые не обязательно направлены на кодификацию существующих обычаев или установившихся видов использования (практики), рассматриваемых как носящих обязательный характер. Поэтому представляется естественным и согласующимся со статьей 34 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, что только государства – участники Конвенции по морскому праву имеют право пользоваться предусмотренными в ней договорными правами. Вышеизложенные соображения относятся конкретно (но не исключительно) к нижеследующему:

- Право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства (Часть III, раздел 2, статья 38).

- Понятие “исключительная экономическая зона” (часть V).

- Все вопросы, касающиеся Международного района морского дна и концепции “Общего наследия человечества” (Часть XI)» [United Nations Convention on the Law of the Sea...].

Таким образом, позиция Ирана по транзитному проходу заключалась и заключается в том, что это исключительно договорная, а не обычная норма международного права. Это право, основанное на «контракте», и оно распространяется только на те страны, которые приняли на себя все обязательства, зафиксированные в Конвенции 1982 г. А значит, Иран имеет потенциальную возможность не признавать право транзитного прохода через Ормузский пролив в отношении США до тех пор, пока они не присоединились к этому международному соглашению [Bahman, 2014].

Напомним, что транзитный проход – весьма либеральная норма международного морского права.

Во-первых, она безапелляционно распространяется не только на гражданские суда, но и на военные корабли, включая подводные лодки (ст. 38(1)), а введение уведомительного или же разрешительного порядка их прохода будет считаться нарушением Конвенции 1982 г.

Во-вторых, транзитный проход предусматривает право на осуществление полетов, в том числе военной авиации.

В-третьих, подводные лодки могут следовать не в надводном положении и с поднятым флагом, а в своем «обычном порядке» (ст. 39(1)(с)) – т.е. подводном положении.

В-четвертых, несмотря на то что реализация права транзитного прохода предполагает выполнение определенных обязанностей со стороны судов и летательных аппаратов (ст. 39), припроливные страны не должны препятствовать транзитному проходу, он не может быть приостановлен (ст. 44). Государства, граничащие с проливами, хоть и могут принимать законы и правила, относящиеся к транзитному проходу через проливы, в отношении ряда вопросов (ст. 42(1)), тем не менее «их применение не должно на практике сводиться к лишению, нарушению или ущемлению права транзитного прохода» (ст. 42(2)).

Иран же считает, что в отношении США в Ормузском проливе действует не право транзитного, а право мирного прохода – достаточно жестко регламентированная норма международного морского права, предусматривающая запрет на целый ряд видов деятельности при таком проходе (ст. 19 Конвенции 1982 г.). В частности, проход иностранного судна считается нарушающим мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства, если в территориальном море оно осуществляет любой из следующих видов деятельности:

- а) угрозу силой или ее применение против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости прибрежного государства или каким-либо другим образом в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций;
- б) любые маневры или учения с оружием любого вида;
- с) любой акт, направленный на сбор информации в ущерб обороне или безопасности прибрежного государства;
- д) любой акт пропаганды, имеющий целью посягательство на оборону или безопасность прибрежного государства;
- е) подъем в воздух, посадку или принятие на борт любого летательного аппарата;
- ф) подъем в воздух, посадку или принятие на борт любого военного устройства;
- г) погрузку или выгрузку любого товара или валюты, посадку или высадку любого лица вопреки таможенным, фискальным, иммиграционным или санитарным законам и правилам прибрежного государства;
- h) любой акт преднамеренного и серьезного загрязнения вопреки настоящей Конвенции;
- и) любую рыболовную деятельность;
- j) проведение исследовательской или гидрографической деятельности;
- к) любой акт, направленный на создание помех функционированию любых систем связи или любых других сооружений или установок прибрежного государства;
- l) любую другую деятельность, не имеющую прямого отношения к проходу.

Более того, как мы уже упоминали выше, Иран на уровне своего национального законодательства – ст. 9 Закона о морских зонах Исламской Республики Иран 1993 г. – закрепил положение, согласно которому:

«Проход военных кораблей, подводных лодок, судов с атомной силовой установкой и любых других плавучих объектов или судов с ядерными или другими опасными или вредными веществами через территориальное море осуществляется при условии получения предварительного разрешения от соответствующих органов Исламской Республики Иран. Подводные лодки должны следовать на поверхности и показывать свой флаг» [*Act on the Marine Areas of the Islamic...*].

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ ПРАВДА?

США, безусловно, не могут согласиться ни с тем, что в Ормузском проливе не действует право транзитного прохода, ни с тем, что мирный проход для их судов и кораблей носит разрешительный характер, что прямо противоречит нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

С другой стороны, около 40 государств требуют либо уведомительного, либо разрешительного порядка прохода иностранных военных кораблей через свои территориальные воды [Roach, Smith, 2012, p. 250–251]. С точки зрения большинства экспертов, уведомительный порядок в значительной степени соотносится с положениями статьи 21(1а) Конвенции 1982 г., которая гласит: «Прибрежное государство может принимать в соответствии с положениями настоящей Конвенции и другими нормами международного права законы и правила, относящиеся к мирному проходу через территориальное море, в отношении всех нижеследующих вопросов или некоторых из них: а) безопасности судоходства и регулирования движения судов...». В этом отношении уведомительный порядок и право прохода военных кораблей могут быть взаимосвязаны. В то время как разрешительный порядок прохода – скорее прямое нарушение Конвенции 1982 г. [Klein, 2011, p. 35–43].

Однако нельзя забывать, что Иран не является полноправным участником Конвенции 1982 г., поэтому он имеет возможность не признавать не только право транзитного прохода, но и право мирного прохода через его территориальное море, но лишь иностранных военных кораблей.

Очевидно, что право мирного прохода возникло в самом начале прошлого века одновременно с установлением института территориального моря. Со времени своего возникновения оно признавалось всеми и стало широко распространенной практикой абсолютного большинства государств. Нет сомнений в том, что закрепление этого права в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. было не чем иным, как шагом по кодификации данного права, ставшего давно нормой обычного международного права. Однако нельзя забывать, что однообразная и непрекращающаяся практика государств по признанию права мирного прохода через территориальное море существует лишь в отношении торговых судов, а в отношении прохода военных кораблей эта практика не является универсальной. Таким образом, очевидно, что до сих пор не существует нормы обычного права в отношении прохода военных кораблей через территориальное море прибрежного государства [Keuuan, 2005, p. 71]. Это подтверждается тем фактом, что во время проведения III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982) консенсуса по данному вопросу достичь так и не удалось, целый ряд стран выступал против предоставления этого права военным кораблям.

Американские эксперты, со своей стороны, ссылаются на то, что оба государства (Иран и США), хоть и не являются полноправными участниками Конвенции 1982 г., тем не менее являются участниками другого международного соглашения – Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. В ст. 16(4) Конвенции 1958 г. зафиксировано, что «не допускается приостановление мирного прохода иностранных судов через проливы, которые, соединяя одну часть открытого моря с другой частью открытого моря или с территориальным морем иностранного государства, служат для международного судоходства» [Конвенция о территориальном море и...]. Соответственно США, как минимум, обладают правом на беспрепятственный мирный проход в пределах 3-мильного территориального моря Ирана [Kraska, *Legal Vortex*...].

При этом Иран в ходе проведения III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982) настаивал на том, что правом на мирный проход, который не может быть приостановлен, должны обладать исключительно государства, омываемые водами Персидского

залива, так как эта акватория является полузамкнутым морским регионом, а проход судов и кораблей внерегиональных стран может носить явно немирный характер, а значит, может быть приостановлен. Более того, режим мирного прохода не должен действовать в отношении военных кораблей зарубежных государств, так как по своей природе он не может быть мирным и обязан носить исключительно разрешительный характер [Kraska, 2014, p. 350–352].

Однако тот факт, что Иран расширил внешнюю границу своего территориального моря с 3 до 12 морских миль, воспользовавшись таким правом в рамках Конвенции 1982 г., говорит о том, что право мирного прохода через его территориальное море в Ормузском проливе было автоматически заменено на конвенционное право транзитного прохода. Это обусловлено тем, что расширение внешней границы территориального моря до 12 морских миль и введение права транзитного прохода были взаимосвязаны между собой в рамках Конвенции 1982 г., они были составной частью так называемого пакетного подхода в ее рамках [Kraska, 2014, p. 350–352].

Пакетный подход предполагал, что все основные вопросы, связанные с введением новых или же кодификацией уже устоявшихся норм морского законодательства, ввиду их взаимозависимости между собой и глобального значения, должны решаться «единым пакетом», т.е. одновременно. В результате можно полагать, что именно такой подход привел к принятию столь универсального документа, как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Гудев, 2014, с. 29].

С позиции американских экспертов, непризнание Ираном конвенционного права транзитного прохода означает, что Тегеран, во-первых, не может пользоваться правом установления 12-мильной внешней границы территориального моря вдоль своего побережья, а во-вторых, пользоваться правом транзитного прохода своих судов и кораблей в других международных проливах помимо Ормузского. Таким образом, непризнание права транзитного прохода со стороны Тегерана фактически восстанавливает ту ситуацию, которая существовала до разработки и принятия Конвенции 1982 г.: в Ормузском проливе существует 3-мильная зона территориального моря Ирана, за пределами которой все суда и корабли обладают всеми свободами открытого моря, включая свободу судоходства [Kraska, 2014, p. 350–352].

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Как бы ни хотелось Ирану, но любые его действия, связанные с минированием Ормузского пролива и прилегающих акваторий, с точки зрения норм и положений международного обычного права, будут считаться его прямым нарушением. Тем не менее США и их союзникам в регионе придётся приложить максимум усилий для того, чтобы убедительно доказать причастность именно Ирана к минированию или же тем или иным инцидентам. Решения Международного Суда ООН свидетельствуют, что одних голословных обвинений для применения военной силы в отношении Тегерана будет недостаточно.

Основная опасность состоит в том, что США уже давно живут в рамках «своей» логики, полагая, что сама угроза минирования тех или иных акваторий, равно как и введение иных ограничений для торгового судоходства – достаточный повод для начала вооруженного конфликта с апелляцией на использование права на самооборону. Вдвойне же пугает то, что и Иран в ответ на американские провокации все больше перенимает риторику и модель поведения Вашингтона, заявляя, в частности, о своем праве на самооборону в рамках ст. 51 Устава ООН в ответ на любую угрозу или же применение силы со стороны США.

При этом отношения США и Ирана омрачает принципиально разное понимание и имплементация норм и положений международного, в данном случае – морского, права.

Иран – хрестоматийный пример государства, которое ставит интересы в области обеспечения национальной безопасности выше положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и других международных соглашений. США же, со своей стороны, берут на себя роль основного и единственного арбитра по соблюдению и защите правопорядка в Мировой океане, но так, как они сами его видят и понимают.

В результате эти разногласия напрямую касаются правового статуса Ормузского пролива и тех прав, которыми в его пределах наделены третьи страны. Иран не без оснований пытается ограничить свободу судоходства в отношении военных кораблей зарубежных государств как в самом проливе, так и в водах, находящихся под его суверенитетом или же юрисдикцией. США, со своей стороны, планомерно оспаривают эти правопритязания.

С правовой точки зрения у каждой из сторон есть собственный набор аргументов, и этот спор вряд ли может быть урегулирован на взаимовыгодной основе, без сдачи соответствующих позиций с той или иной стороны. Ни США, ни Иран, особенно в его сегодняшнем виде, никогда на это не пойдут. Привлечение же международных судебных инстанций для урегулирования ирано-американских противоречий в этой области крайне затруднительно, так как оба государства не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

Таким образом, складывается ситуация, когда конкурентный спор в области права может стать весьма удобным поводом для более решительных действий с той или иной стороны, в особенности на фоне ужесточения напряженности в регионе. В этой связи очень бы хотелось умерить пыл с обеих сторон и создать систему, которая бы на деле обеспечивала безопасность в районе Персидского залива. Вполне вероятно, что предложение российского МИД о создании такой структуры как из стран региона, так и с привлечением основных внерегиональных игроков – России, Индии, Китая – будет способствовать тому, что риск военного столкновения будет снижен или даже ликвидирован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вылегжанин А.Н., Каламкармян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права. *Государство и право*. 2012. № 6. С. 81–83 [Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. International custom as the main source of international law. *State and Law*. 2012. No. 6. Pp. 81–83 (in Russian)].

Гудев П.А. *Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима*. М.: ИМЭМО, 2014 [Gudev P.A. *UN Convention on the Law of the Sea: Problems of Regime Transformation*. Moscow: IMEMO, 2014 (in Russian)].

Гудев П.А. Политико-правовые аспекты американо-иранского противостояния в Ормузском проливе и прилежащих к нему акваториях. *Восток (Orient)*. 2020. № 1. С. 94–110 [Gudev P.A. Political and Legal Aspects of the U.S.–Iranian Confrontation in the Strait of Hormuz and Adjacent Waters. *Vostok (Orient)*. 2020. No. 1. Pp. 94–110 (in Russian)].

Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне, 1958 год [Convention on Territorial Sea and Contiguous Zone (in Russian)] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tsea.pdf (accessed: 17.09.2019).

Конституция для океанов. Высказывания Председателя Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву Томи Т.Б. [Constitution for the oceans. Statements by the President of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea, Tomi T. B. (in Russian)] http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf (accessed: 17.09.2019).

Краткое изложение решений, консультативных заключений, постановлений Международного Суда, 1948–1991 гг. ООН: Нью-Йорк, 1993 [Summary of Judgments, Advisory Opinions, Judgments of the International Court of Justice, 1948–1991. United Nations: New York, 1993 (in Russian)] http://legal.un.org/iccsummaries/documents/russian/st_leg_serfl.pdf (accessed: 27.08.2019).

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2003–2007 годы. ООН: Нью-Йорк, 2010 [*Summary of Judgments, Advisory Opinions, Judgments of the International Court of Justice, 2003–2007.* United Nations: New York, 2010 (in Russian)] http://legal.un.org/iccsummaries/documents/russian/st_leg_serfl_add3.pdf (accessed: 29.08.2019).

Act on the Marine Areas of the Islamic Republic of Iran in the Persian Gulf and the Oman Sea, 1993. https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/IRN_1993_Act.pdf (accessed: 17.09.2019).

Bahman Aghai Diba *Iran and the United Nations 1982 Convention on the Law of the Sea*. 11.28.2014. <http://www.payvand.com/news/14/nov/1177.html> (accessed: 19.09.2019).

Bateman Sam. *State Practice Regarding Straight Baselines in East Asia – Legal, Technical and Political Issues in a Changing Environment*. https://legacy.iho.int/mtg_docs/com_wg/ABLOS/ABLOS_Conf5/Papers/Session7-Paper1-Bateman.pdf (accessed: 23.03.2020).

Bing Bing Ja. The Northwest Passage: an Artificial Waterway Subject to a Bilateral Treaty Regime. *Ocean development and International Law*. 2013. Vol. 44, Issue 2. Pp. 123–144.

Brubaker D.R. Straits in the Russian Arctic. *Ocean Development and International Law*. 2001. Vol. 32, Issue 3. Pp. 263–287.

Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits judgment of 27 June 1986. <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf#page=91> (accessed: 18.09.2019).

Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), 10 March 1999. <https://www.icj-cij.org/files/case-related/90/8630.pdf#page=143> (accessed: 18.09.2019).

Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania). <https://www.icj-cij.org/en/case/1> (accessed: 27.08.2019).

Deeks Ashley *Does the U.S. Currently Have a Right of Self-Defense Against Iran?* <https://www.justsecurity.org/64800/irans-shifting-views-on-self-defense-and-intraterritorial-force/> (accessed: 30.08.2019).

Deeks Ashley, Anderson Scott R. *Iran Shoots Down a U.S. Drone: Domestic and International Legal Implications*. June 19, 2019. <https://www.lawfareblog.com/iran-shoots-down-us-drone-domestic-and-international-legal-implications> (accessed: 15.09.2019).

DoD Annual Freedom of Navigation (FON) Reports. <https://policy.defense.gov/OUSDP-Offices/FON/> (accessed: 17.09.2019).

George M. Transit Passage and Pollution Control in Straits under the 1982 Law of the Sea Convention. *Ocean development and International Law*. 2002. Vol. 33, Issue 2. Pp. 189–205.

Harrison James. *Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law*. New York: Cambridge University Press, 2011.

Ingberand Rebecca, Haque Adil Ahmad. *Iran's Shifting Views on Self-Defense and 'Intraterritorial' Force*. July 3, 2019. <https://www.justsecurity.org/64800/irans-shifting-views-on-self-defense-and-intraterritorial-force/> (accessed: 15.08.2019).

Iran: Straight Baseline Claim. <https://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/IranChart.pdf> (accessed: 17.08.2019).

Keyuan Zou. *China's Maritime legal System and the Law of the Sea*. Brill, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005.

Klein N. *Maritime Security and the Law of the Sea*. New York: Oxford University Press, 2011.

Kraska James. Legal Vortex in the Strait of Hormuz. *Virginia Journal of International Law*. 323 (2014). Pp. 323–366. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2472065 (accessed: 17.09.2019).

Kraska James, McLaughlin Robert. *Attribution of Naval Mine Strikes in International Law*. June 24, 2019. <https://www.ejiltalk.org/attribution-of-naval-mine-strikes-in-international-law/> (accessed: 27.08.2019).

Letter dated 20 June 2019 from the Permanent Representative of the Islamic Republic of Iran to the United Nations addressed to the Secretary-General. UN Security Council S/2019/512. 20 June 2019. <https://undocs.org/en/S/2019/512> (accessed: 18.08.2019).

Limits in the Seas. No. 114. Iran Maritime Claims. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/58228.pdf> (accessed: 17.09.2019).

Lopez Martin A.G. *International Straits. Concept, Classification and Rules of Passage*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2010.

Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). <https://www.icj-cij.org/en/case/70/judgments> (accessed: 27.08.2019).

Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America). <https://www.icj-cij.org/en/case/90> (accessed: 29.08.2019).

Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest Passage: a Final Revisit. *Ocean development and International Law*. 2007. Vol. 38, Issue 1–2. Pp. 3–69.

Roach J. Ashley, Smith W. Robert. *Excessive Maritime Claims*. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. Pp. 283–345.

Rothwell D.R., Stephens T. *The International Law of the Sea*. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2010.

Stephens D. *The Legal Efficacy of Freedom of Navigation Assertions*. <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1274&context=ils> (accessed: 17.09.2019).

Taft William H. Self-Defense and the Oil Platforms Decision. *Yale Journal of International Law*. 2004. Vol. 29, Issue 2. <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1232&context=yjil> (accessed: 30.08.2019).

Tanaka Yoshifumi. *The International Law of the Sea*. New York: Cambridge University Press, 2012.

United Nations Convention on the Law of the Sea, Montego Bay, 10 December 1982. Declarations and Reservations (Unless otherwise indicated, the declarations and reservations were made upon ratification, formal confirmation, accession or succession.) Iran. https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec (accessed: 19.09.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ГУДЕВ Павел Андреевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Pavel A. GUDEV, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia